

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XVI ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ИО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
февраль 1981 г.

Часть I

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1982

3. A.Gardiner, Egyptian Grammar, 3-d ed., Oxford, 1957, p.429.
4. F.Albright, Cuneiform material for Egyptian prosographi, - JNES, vol.5, 1946, p.7-25.
5. W.E.Edgerton, Stress, vowel, quantity and syllabic division in Egyptian, - JNES, vol.6, 1947, p.17.
6. А.Л.Вассоерич, Загадка Амонрасонтэра или примечание к третьему правилу Курта Зете, - ВДИ, 1981, № 3, с.115.
7. H.Ranke, Keilschriftliches Material zur altägyptische Vocalisation, Berlin, 1910, S.32.
8. Там же, с.32.
9. Там же, с.31.
10. Там же, с.29.
11. G.Steindorff, Die keilinschriftliche Widergabe ägyptischer Eigennamen, - "Beiträge zur Assyriologie", Bd.I, Leipzig, 1890, S.330-361 und 393-612.
12. G.Fecht, Zu den Namen ägyptischer Fürsten und Städte in den Annalen des Assurbanipal und der Chronik Asarhaddon, - "Mitteilungen des Deutschen archäologischen Instituts. Abteilung Kairo" 16, 1958, 16, 1958, S.113.
13. И.М.Дьяконов, Языки древней Передней Азии. М., 1967, с.317.
14. A.Erman, H.Grapow, Wörterbuch der aegyptischen Sprache, Bd. V, Berlin, 1955, S.109.
15. M.Streck, Assurbanipal und die letzten assyrischen Könige bis zum Untergange Nineveh's, 3. Teil: Register. Leipzig, 1916.

И. Т. Зограф

О МОНГОЛЬСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Многие исследователи китайской литературы ваньского (монгольского) времени не раз отмечали то обстоятельство, что письменный язык байхуа этой эпохи испытал серьезное влияние монгольского и этим вызваны трудности чтения и понимания текстов.¹

Существует мнение, что поскольку китайские транскрипции иностранных слов, включая многие административные и технические термины (порой искаженные до неузнаваемости) встречаются не только в официальных документах эпохи Вань, но и в ваньских пьесах и романах, для историка языка было бы интересной задачей собрать и изучить этот круг лексики, чтобы проследить происхождение многочисленных "варваризмов", проникших в литературу на байхуа, и оценить, в ка-

кой мере они повлияли на современный китайский.²

Какова же была мера влияния монгольского языка на китайский? Ради ответа на этот вопрос сравним две группы текстов эпохи Юань: китайские документы, переведенные с монгольского, и оригинальные произведения художественной литературы.

Что касается документов, то они действительно испытали серьезное влияние монгольского языка, которое сказалось не только в лексике, вообще наиболее проницаемой для внешних воздействий, но и в грамматике. Лексическая интерференция, обусловленная в конечном счете социальным престижем монгольского языка, была достаточно широкой. Проведенный нами анализ индекса к книге П. Рачневского³ показал, что в китайских документах представлены все три основных типа заимствований: 1) прямые лексические заимствования, 2) кальки, 3) семантическое заимствование. Первый тип заимствований, естественно, наиболее распространен. Заимствованные слова адаптируются грамматически; в частности, они принимают показатель множественности 每 每, оформляются послелогом 根底 / 的 根底 / 底. Встречаются и гибридные лексические образования, в которых один элемент заимствован, а другой принадлежит китайскому языку. Например, наряду с аолу 奧魯 = a'urug "низовой / основной / стан" встречаются:

аолу гуань 奧魯官 "чиновник низового / основного / стана",

аолу ваньху 奧魯萬戶府 "управление десяти тысяч станов".

Семантический круг заимствований виден из приводимых ниже примеров (фонетическое воспроизведение монголизмов в китайском нередко отклоняется от оригинального их звучания):

целимачи 法里馬赤 = kelimeči "переводчик", "истолкователь",

цесе 怯薛 = kešig "императорская гвардия",

бичача 必徹徹 = bičeči "писарь", "секретарь",

далухуачи 達魯花赤 = daruɥači "правитель", "губернатор",

чжалухуци 札魯忽赤 = ɟarɥuɥi "судья",

улачи 兀刺赤 = ulači "почтовый служащий".

Число калек, представленных в индексе П. Рачневского, меньше числа прямых заимствований, но сам их список убедительно свидетельствует, что этот способ пополнения лексики официальных документов использовался далеко не случайно. В числе грамматических и лексических калек можно назвать следующие:

麼道 麼道 "так говорить", означает конец цитаты или конец прямой речи (монг. kemen),

掌印官 掌印官 "чиновник, который держит печать" (монг. daruɥači),

城子裏官人 чэнцзы-ли гуаньжэнь "правитель города" (монг. balaqad-un daruqa),
斷事官 дуаньшигуань "чиновник, разрешающий дело"
(монг. Јагууџи),
有來 у-лай - конечная модальная частица (монг. бүлү'е).

В качестве примеров семантического заимствования, используемого в документах, можно привести глаголы 別 де "нарушать" и 有 в "пребывать", "быть", послелог 裏 ли "в", используемый во вступительной формуле, и др.

В отношении оригинальной китайской литературы, можно говорить, по-видимому, только о лексической интерференции, и вопрос сводится к тому, насколько существенный характер она здесь носила. В этом плане китайская литература ваньской эпохи достаточно однородна, хотя на общем рваном фоне наблюдаются исключения.

Таким исключением служат обнаруженные А. Вэйли гибридные китайско-монгольские тексты, среди которых выделяется анонимный сборник песен "Охота" (14 в.?), включенный в поэтическую антологию 詞林摘艷 Цы линь чжэ янь "Самые прекрасные из леса цы". Как отмечает А. Вэйли, в ряде мест этот сборник содержит так много монгольских слов, что их избыток мешает воспринять структуру китайской фразы и понять содержание.⁴

Напротив, многочисленные драматические произведения, создававшиеся в то же самое время и, по-видимому, адресовавшиеся в какой-то мере монгольским правителям, хотя и могли впитать определенное количество монголизмов, в целом дают совсем иную картину. Просмотр под этим углом зрения издания ваньских пьес 元人雜劇選 Вань жэнь цзацзюй свань "Избранные ваньские цзацзюй" (более 500 страниц) позволил выявить менее десятка монгольских слов. Вряд ли их более чем скромное место здесь объясняется (как то предлагает А. Вэйли) тем, что мы располагаем сравнительно поздним изданием пьес, относящимся к концу минского времени, то есть к эпохе, когда монголизмы давно уже не были больше в ходу, утратили общепонятность, а потому могли сознательно заменяться китайскими словами.⁵

Проведенное сравнение минской редакции ряда пьес с недавно ставшей доступной исследователям их ваньской редакцией (кстати, это сравнение позволяет предположить, что обе редакции дают нам разные версии одновременно существовавших ваньских текстов) показало, что лексических различий такого рода между ними не наблюдается.⁶ Скорее всего, сдержанное отношение китайских драматургов к монголизмам носило изначальный характер и может быть истолковано

как проявление "языковой лояльности", возникающей при угрозе интерференции. Как реакция на интерференцию она превращает стандартизованный вариант языка в символ и общее дело.

Таким образом о влиянии монгольского языка на китайский правомерно говорить лишь в отношении текстов, переведенных с монгольского. В китайской оригинальной литературе (по крайней мере в основной ее массе) такое влияние ощущается практически в очень малой мере. Что касается "гибридных" произведений, о которых пишет А. Вэйли, то их авторы, по-видимому, выполняли определенный социальный заказ.

1. В противовес этому мнению Л.Н.Меньшиков справедливо считает, что трудности понимания ваньских пьес обусловлены в первую очередь высоким содержанием в них "простонародных" лексических элементов, не зафиксированных в "классических" словарях (Л.Н. Меньшиков, О новейших изданиях пьесы "Западный флигель". - НАА, 1961, № 6, с.166).
2. Igor de Rachewiltz, Some Remarks on the Language Problem in Yüan China. - The Journal of the Oriental Society of Australia, vol.5, nos. 1-2, p.80.
3. Paul Ratchnevsky, Un Code des Yuan, Tome troisieme. Index par Paul Ratchnevsky et Françoise Aubin. Paris, 1977.
4. Arthur Waley, Chinese-Mongol hybrid Songs, BSOAS, vol. XX, 1957, p.581-584.
5. Op. cit.
6. В.Ф.Сорокин, Китайская классическая драма XIII-XIV вв. М., 1979, с.79-80; ср. И.Т.Зюграф, О лингвистической достоверности минских изданий ваньских пьес. ШИПИКНВ, XV. М., 1981, с.61-65.
7. У.Вайнрайх, Языковые контакты. Киев, 1979, с.166.

К. Б.Кеппинг

СЧЕТНЫЕ СЛОВА В ТАНГУТСКОМ ЯЗЫКЕ

Во многих языках китайско-тибетской семьи числительное не может непосредственно сочетаться с существительным, для этой цели существуют классификаторы, свой для каждого отдельного разряда существительных. Общие черты с классификаторами имеют также названия мер и названия десятичных разрядов числительных. Эти три категории слов мы далее будем объединять под общим термином "счетные слова".